

Лит. Россия. — 1994. — 15 июля. — С. 11.

ГИПОТЕЗЫ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

МНОГО было в дворянской России очаровательных женщин — тех, без кого не появились бы шедевры любовной лирики XIX века. Со школьных лет памяты нам такие имена, как Мария и Александра Протасовы, влюбленность в которых окрасила в романтически-возвышенные тона лирику Жуковского и Языкова; Наталия Гончарова и Елизавета Воронцова (да и не только они) — вдохновительницы музыки Пушкина; Варенька Лопухина, Мария Щербатова и другие «женщины-ангелы», восхищавшие Лермонтова. Все они отличались удивительной гармонией внешнего и внутреннего облика, вызывали не только восторженное поклонение, но и желание беседовать с ними, разгадывать их; они несли в себе свет, радость, романтику. Это возвышало мужчин, охраняло их от душевного очерствения, грубости, отчаяния.

Среди имен первых красавиц «большого света» блистает ярким бриллиантом еще одно имя: Александра Осиповна Смирнова-Россет (1809—1882). Настоящая ее фамилия по-русски звучала *Россети* или *Розетти*; отец ее — итальянец из Генуи, в конце XVIII века вступивший в русскую военную службу. Итальянскую фамилию Александра Осиповна

А. О. СМІРНОВА.
Портрет маслом работы А. Реми.
1835.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ
ЛЕРМОНТОВА

сменила на французскую, уже став фрейлиной и ввав в «вольное заблуждение» по поводу своей принадлежности к древнему французскому роду графов Россет, разоренных революцией 1789 года.

Современники юной Александрины (как звал ее Лермонтов, оставляя уменьшительное имя *Сашенька* для мужа) воспринимали и долго помнили ее как шаловливую девочку, остроумную, на удивление естественную в чопорной обстановке придворного мира, с чарующим голосом, огромными карими глазами, то лучистыми, то загадочно-глубокими. Позже иные из тех, кто не знал ее в юности, считали ее ханжой, приписывали ее влиянию чрезмерную религиозность Гоголя, — однако на самом деле все обстояло наоборот: именно Гоголь в 40-х годах взял на себя религиозно-нравственное руководство ее смятенной души.

Образ Александры Осиповны Смирновой-Россет запечатлен на страницах мемуаров, на полотнах живописцев, в стихах поэтов (среди которых Пушкин и Вяземский). Я хочу напомнить читателям ее словесный портрет, созданный тем, кого она любила с первой встречи и до конца своих дней, — Михаилом Юрьевичем Лермонтовым.

«На ней было черное платье, кажется по случаю придворного траура. На плече, пришилиленный к голубому банту, сверкал бриллиантовый вензель; она была среднего роста, стройна, медленна и ленива в своих движениях; черные, длинные, чудесные волосы оттеняли ее еще молодое, правильное, но бледное лицо, и на этом лице сияла печать мысли» («Штосс», 1841).

Поэт и его муза последних лет впервые встретились ранней осенью 1838 года у Карамзиных, в Царской Селе. Александрина к этому времени уже не была фрейлиной (она вышла замуж в начале 1832 года), но по-прежнему любила проводить лето и часть осени в Царском и постоянно бывала у Карамзиных. Этот дом, где собиралась духовная элита светского общества, стал родным для нее еще с 1828 года, она чувствовала себя здесь легко и свободно. Истинной хозяйкой салона Карамзиных была старшая дочь писателя, София Николаевна (1802—1856), которая любила Лермонтова, как старшая сестра, до слез расстраивалась из-за малейшей неприязни в его жизни и вызывала даже ревность Александрины чрезмерной, по ее мнению, дружеской близостью с поэтом.

Пора указать, что мужа своего Александра Осиповна не любила. Его нашла для Сашеньки сама императрица, и через два года мучительных раздумий 22-летняя (к тому времени) фрейлина вынуждена была согласиться на этот брак, поскольку у нее и у четверых ее младших братьев гроша за душой не было, а судьба уже вынесла их на гребень социальной волны (они учились в Пажеском корпусе). Муж Александрины, Николай Михайлович Смирнов (1807—1870), был богат, щедр и заботлив по отношению к ее братьям. Любил он Сашеньку страстно, но, не встречая ответного чувства, раздражался, старался поменьше бывать дома, а затем, если верить ее воспоминаниям (верить, увы, можно далеко не всегда), стал находить утешение на стороне. К концу 30-х годов, после их длительного пребывания за границей, брак был уже скорее формальным: каждый не мешал другому жить своей жизнью (на время укрепились их отношения в сере-

дине 40-х годов, благодаря влиянию Гоголя).

...Двадцать девятого октября 1838 года Лермонтов читал в петербургском доме Карамзиных поэму «Демон». Читал он прекрасно, к тому же обладал сильным, красивым баритоном (свободно исполнял даже оперные партии). Этот вечер стал решающим для Александрины.

Вмиг забылись прежние увлечения — красавцем-генералом Василием Перовским, добрым, отзывчивым Коленкой Киселевым (дальним родственником мужа): они представлялись ей теперь просто милыми мальчиками — в сравнении в этом мятежным духом, с этим Демоном в облике черноволосого лейб-гусара...

Так началась их любовь. Несомненно взаимная, ибо и он не мог не увлечься этой необыкновенной женщиной — певчей птичкой среди заводных кукол «большого света». Александрина при близком знакомстве оказалась не только умницей, но и человеком простым, искренним, сердечным, да еще и владела родным, народным языком не менее свободно, чем несколькими иностранными (благоприятно сказались деревенское детство).

Между тем слухи об их близости, даже и просто дружеской, могли всерьез осложнить ее жизнь, и потому оба они демонстрировали чисто светский, «прохладный» характер своих отношений (предлагаю читателю возобновить в памяти послание «К А. О. Смирновой» и первую главу «Штосса»). Николай I зорко следил за кругом общения тех, кто был близок к царскому семейству, а Александра Осиповна принадлежала к числу самых близких этому семейству лиц: любимая фрейлина императрицы; близкая подруга старшей дочери, Марии Николаевны; протеже великого князя Михаила Павловича (он оплачивал ее пребывание в Екатерининском училище) и, наконец, «фаворитка» самого царя (в придворных кругах держалось стойкое убеждение, что две девочки-двойняшки, родившиеся у Александрины в 1834 году, — дети Николая I).

Михаил Юрьевич неожиданно для себя самого оказался счастливым соперником царя. Этим я объясню взлет интриг вокруг поэта с начала 1840 года: до императорской семьи наверняка дошли слухи о частых встречах Лермонтова с Александриной — и Мария Николаевна не ограничилась давним заказом В. Соллогубу на пасквиль, завихрился клубок сплетен, в которые был вовлечен сын французского посланника Эрнест де Барант...

Поэт не страдал мелким честолюбием, так что его отнюдь не обуряла гордость, когда он узнал о столь тесной связи Александрины с царским семейством, — напротив, в его душе поселилось беспокойство за любимую:

*Мне грустно потому, что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день*

*иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплачешь ты судьбе.
Мне грустно... потому, что весело тебе.*

(«Отчего» 1840)

Литературоведы традиционно относят это стихотворение (правда, с пометкой: «предположительно») к Марии Щербатовой, что психологически, на мой взгляд, недостоверно: княгиня Щербатова в годы знакомства с поэтом была юной вдовой, свободной в своих

увлечениях, и у нее не было причин платить «слезами и тоской» за счастливые мгновения. Иное дело — замужняя женщина, мать двоих детей, чья личная жизнь к тому же проходила под строгим контролем царя...

Считается, что Смирновой-Россет посвящены всего два произведения Лермонтова, уже названные мною выше: послание «К А. О. Смирновой» и «Штосс», его первая глава; кроме того, есть прямое упоминание Смирновой в стихотворении, написанном в альбом С. Н. Карамзиной, — «Любил и я в былые годы...». Но это далеко не полный перечень. На самом деле, полагаю, Лермонтов посвятил Александрине множество стихов 1839—1841 годов, но их адресат либо не определен литературоведами, либо определен неверно. Не все эти стихотворения исполнены любви и сочувствия — есть и проникнутые жгучей ревностью, сарказмом, неверием в ответное чувство и способностью великодушной красавицы сострадать «простым смертным».

Неверие в глубину чувства Александрины всякий раз переполняло его душу при длительной разлуке; уж очень длинный шлейф ее поклонников был ему известен; вместе с ревнивыми мыслями о них приходили воспоминания о ее горячем южном темпераменте («...в неясных чертах дышала страсть бурная и жадная, желание, грусть, любовь...»: мистическая красавица «Штосса», находящаяся в полной власти старика, имеет тот же прототип, что и Минская в первой главе: Смирнову-Россет). Жгучей ревностью рождены даже такие «экзотические» стихи, как «Тамара» («В глубокой тени не Дарьяла...») и «Свиданье» («Уж за горой дремучею...»). За экзотическим антуражем этих стихотворений скрыты вполне реальные, грызущие душу сомнения, — так же, как и за фантастической мистикой стихотворения «Любовь мертвеца». И уж конечно, Александрине посвящен «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»), она же упомянута в «Завещании» («Пускай она поплачет...»), к ней обращены «Оправдание», «Они любили друг друга...» и другие лирические шедевры последних лет жизни поэта.

Лучшее доказательство изложенной мною гипотезы — автобиографические записки А. О. Смирновой-Россет, в первую очередь — созданный ею в 70-е годы «Баденский роман» (название условное, дано исследователями уже в XX веке); это воспоминания пожилой женщины о своей молодости, писавшиеся для себя и своих близких и содержащие жизненно-реальные зарисовки, слегка зашифрованные с помощью условной фигуры собеседника — молодого дипломата Н. Д. Киселева (я уже упоминала о нем). Для тех, кто хорошо знает биографию Лермонтова, его мировосприятие, его творчество, разгадать шифр не составляет труда: за условной фигурой Киселева — внимательного слушателя, заботливого спутника беременной женщины в ее осторожных, неторопливых прогулках — скрывается иной собеседник и спутник — Михаил Юрьевич Лермонтов. А судя по необычайной доверительности их отношений (совершенно невозможной ни с дальним родственником мужа, ни вообще с кем-либо, кроме отца ребенка), он не только заботливый друг, но и — отец ее будущей дочери, Надежды, родившейся летом 1840 года.

Лермонтов к тому времени уже был выслан из Петербурга, дождался в Москве своего сослуживца по лейб-гвардейскому Гусарскому полку Александра Реми, чтобы узнать у него, как себя чувствует любимая, из-за этого отверг предложение близкого друга и родственника, Алексея Столыпина (Монго), ехать из Москвы на Кавказ вместе — и писал стихотворение «Ребенку» — своему ребенку из будущего, когда ребенок (мальчик это будет или девочка, он еще не знал) подрастет, будет молиться вместе с матерью (это было в обычае у Александры Осиповны), а их гость станет задавать ему странные вопросы:

*...ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебе испрошенные ласки?
Не слишком часто ль я твои целую глазки?..*

Несколько слов о возможных прямых потомках Лермонтова, живущих в России либо в Англии и, возможно, немалом числе с «Баденским романом» — или не нашедшим ключа к его шкафу. Надежда Николаевна Смирнова (1840—1899) вышла замуж за англичанина (что неудивительно, так как ее мать проработала последние 20 лет жизни в основном за границей, в 60-е годы жила вместе с младшей дочерью в Англии). Фамилия ее мужа — Соррен или Сорен. У нее был сын, Артур. В 90-х годах она обитала уже в Москве, на Пресне. Видимо, здесь же жил Артур.

Думаю, все-таки благодаря именно «Баденскому роману» найдутся исследователи, которые пойдут по тропинке, намеченной мною, отыщут правнуков и праправнуков поэта — и все мы будем приветствовать их на нашей земле, и не столь важно, стали ли они русскими или англичанами, живут ли в Москве или в Лондоне (или где-то еще): ведь родина их великого предка — Россия.

Людия БЕЛОВА